

СРЕДНЯЯ ЕВРОПА КАК ДУХОВНОЕ ПРОСТРАНСТВО И РОЛЬ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Ivo POSPIŠIL (BRNO)

Средняя Европа является популярным, иногда даже модным, но всегда внутренне противоречивым понятием и явлением. В географическом смысле это территория части современной Германии – по крайней мере Саксонии и Баварии – части Польши, вся Австрия, Чехия, Моравия, чешская и польская Силезия, части Украины и Румынии; Средняя Европа зачастую отождествляется с территорией Австро-Венгерской монархии. Таким образом географическая точка зрения постепенно переходит в административнополитическую или же геополитическую. С этим связана как этнолингвистическая, так и культурологическая точка зрения, выраженная в 1915 г. известной книгой сенатора немецкого Рейхстага Ф. Науманна, который в разгар первой мировой войны анализировал этот феномен в смысле немецкого языкового, культурного, идеологического и политического пространства в связи с военной обстановкой Центральных держав, Германии и Австро-Венгрии. Время от времени подчеркивается значение этого понятия в связи с политическими изменениями, в последнее время после падения железного занавеса и коммунистических режимов в Средней и Восточной Европе. Геополитическим содержанием этого понятия является иногда образование какойто переходной зоны между западной и восточной Европой, в более узком смысле (если это понятие, хотя бы частично, отождествляется с Австро-Венгрией) транзитивное пространство между Германией и Россией.

В современных политических и социальных науках большое внимание уделяется политическим и экономическим интеграционным процессам в Средней Европе на территории так называемых посткоммунистических стран, а именно в Чешской Республике, Венгрии, Польше, Словакии и Словении; речь идет, преимущественно, об образовании организаций типа Central European Initiative, Central European Free Trade Agreement (CEFTA) и о двусторонних контактах. В этом смысле понятие Средней Европы еще уже: оно отождествляется с бывшими социалистическими странами Средней и Восточной Европы (Ostmitteleuropa), за исключением балканских (Словения по традиции не считается балканской страной) и восточнославянских (стран бывшего СССР).

Эта сложность, однако, не снимает проблему самого понятия и его определения, дефиниции. Как видно, это понятие динамическое, подвижное, неустойчивое, изменчивое, но все же можно прийти к выводу, что под ним выгодно подразумевать бывшую территорию Австро-Венгерской Империи как ядро плюс определенная территориальная плазма, содержащая то Саксонию и Баварию, то части сегодняшней западной Украины, то Румынии или Польши. Географическое значение нельзя обойти, но Средняя Европа зачастую отождествляется с культурой и менталитетом, которые воздействуют на процесс культурной коммуникации, на структуру языка, литературы, на духовный мир человека. В этом смысле можно опереться на аналогию, заимствованную из литературной компаративистики, которая касается так называемых зональных комплексов. Между тем как в средневековье Италия была неотъемлемой составной частью Западной Европы, в новое время она – в связи с возрастающей властью габсбургской Австрии – становилась частью Средней Европы. Понятие Средней Европы всегда будет исторически изменчивым, подвижным. Можно его определить как совокупность разнородных культурных, политических, языковых, экономических и духовных явлений, переплетающихся на определенной, динамически изменчивой территории с ядром в бывшей Австро-Венгрии, впитывающих в себя и феномены других территорий и культурных зон на диахронной и синхронной осях. Необходимо подчеркнуть, что понятие и его содержание никак не носит извечный характер: оно живет, если оно функционально, если оно подтверждается конкретным материалом или если выявилась воля к его оживлению и возобновлению. Этот волевой момент следует не упускать из виду и сейчас.

Проект, результатом которого является настоящий сборник, указывает на доминантный феномен Средней Европы как на своего рода культурный перекресток, *melting pot* гетерогенных явлений, который интегрирует то, что появится на его территории, а иногда и за ее пределами.

Проект связывает воедино традиционную филологическую сферу, однако выходит зачастую за рамки традиционной филологии как особого синтеза языкознания и литературоведения, навстречу культуре в целом, политике и ареалу. Целью проекта является, однако, прежде всего, реабилитация Средней Европы, констатация ее недооценки. Словацкий теоретик литературы Нора Краусова в своей книге *Поэтика в эпоху за и против* (1999) написала, что характерной чертой американского структурализма является плохое знание структурализма, который в мысли американских структуралистов отождествляется с тем, что почерпнули Леви-Стросс и структуралисты-антропологи из де

Соссюра. Кажется, что это не единственный случай, когда о Средней Европе забыли. Территория Средней Европы представляет собой сейчас некий вакуум, так как ключевые контакты осуществляются между Россией и Германией, Россией и Западной Европой или Россией и США, как и прежде в годы биполярного мира. И это само по себе достаточная причина, чтобы напомнить об истории этих истоков, которые связаны именно с культурным наследием и пространством Средней Европы.

Хотя зачастую утверждается, что феномен Средней Европы „родился“ после наполеоновских войн в связи с новым разделением Европы и что его использовали на протяжении всего 19 века, настоящая конъюнктура понятия связана скорее с 20 веком. По концепции Д. Дюришина на территории Средней Европы образовался так называемый средневропейский центризм, интегрирующий славянский (точнее западнославянский, частично восточнославянский и южнославянский) компоненты, германский (немецкий или же австрийский), частично и романский (северная Италия, часть Румынии), угрофинский (Венгрия) и еврейский, связанный зачастую с немецкой языковой культурой, иногда также славянской (Чешские земли, Польша, Украина), который выступает как самостоятельный, единый феномен, с другой стороны, однако, распадается на отдельные составные части. Это касается и славянской средневропейской общности. По отношению к германским нациям отличаются друг от друга чехи, поляки и словенцы, по отношению к венграм словаки, хорваты и на территории южных славян живущие восточные славяне, по отношению ко всем евреям.

Средневропейский территориальный комплекс с изменчивой позицией культурных центров и периферий, также со специфическим переплетением национальностей, культур и религий вынужден признавать культурную разнородность и критиковать узкий этноцентрический принцип. На территории Средней Европы давнымдавно бытовал мультикультурализм еще до мультикультурализма.

Итальянский германист Клаудио Магрис в своей книге „Дунай“ (Danubio), написанной накануне большого переворота в конце 80-х годов 20 века, подчеркивает именно культурное значение упомянутой реки как связующего звена Средней Европы. Дунай объединял немцев, западных славян, венгров, южных славян, касался и территории восточных славян, связывал территорию Средней Европы с Балканами и средиземноморской зоной. Однако существенная часть Средней Европы тяготеет не к Дунаю, а к Балтийскому и Северному морям, так что само сердце Европы – Чешские земли – распадается с геологической точки зрения именно на территории Брно на две противоположные части. Ареал Средней Европы, однако, становился и культурной целью, притя-

гивая разные феномены с востока, севера, юга и запада. Белорусский ученый Францыск Скарына (около 1490 – 1551), который родился в Полоцке и скончался, может быть, в Праге, учился в университетах Польши, Италии и Чехии: именно в Праге он издал свой перевод Библии под названием „Бивлия руска“. Украинские литераторы из Галиции публиковали свои сборники и отдельные произведения не только в Российской Империи (Киев, Харьков, Полтава), но и в Средней Европе (Буда, Вена, Краков, Прага). Мультикультурным центром и для славян была Вена: межвоенный интеллектуальный и культурный треугольник Прага – Брно – Вена стал важным и для русских ученых-эмигрантов (Н. Дурново, Р. Якобсон, Н. Трубецкой). Средняя Европа фомировала и словенца Матия Мурко, который был тесно связан и с немецкой культурой, и венского уроженца Рене Уэллека, позже известного американского литературоведа и компаративиста.

Моравия является типичным примером смешения и интерференции немецкого и славянского элементов: в городе Простейов (Prosnitz) родился философ-феноменолог Эдмунд Гуссерл, в городе Фрейберг (чешский Пржибор) родился Сигмунд Фрейд, в брненском ареале (Хрлице или Туржаны) появился на свет австрийский философ эмпириокритик Эрнст Мах, критикуемый в свое время с материалистических позиций В. И. Лениным, в Брно вблизи Философского факультета на улице Яселска (названной по польскому галицийскому городу Ясло, под которым боролась в годы второй мировой войны артиллерия Чехословацкого военного корпуса как части Советской Армии) жили почти рядом Карел Чапек (лишь один год), будучи гимназистом, и свыше 25 лет австрийский писатель Роберт Музил. В нескольких шагах по направлению к историческому центру города находится здание бывшей немецкой гимназии (теперь это Факультет Музыки Художественной Академии им. Л. Яначека), в котором учился будущий первый чехословацкий президент Т. Г. Масарик (его статуя, созданная в конце 90-х годов 20 века, стоит напротив, перед зданием Медицинского факультета Университета им. Масарика, раньше это был немецкий Технический вуз). Недалеко находится бывшее кафе Bellevue, где любил сидеть Милан Кундера (именно около этого места происходит действие некоторых его рассказов из циклов Смешные любви), а позже в годы так называемой нормализации в 70-80-е годы 20 века, поэт Ян Скацел.

С другой стороны, средневропейский ареал сохранил и отношение к средиземноморскому наследию античной Греции и античного Рима (греко-римская мифология, мифологические архетипы, структура литературных родов и жанров, архетипы интертекстуальности, функциони-

рующей как извечный круговорот сюжетов и мотивов), позже отношение к итальянскому Возрождению. Одновременно Средняя Европа обращается к славянскому и неславянскому Югу (Балканам), на славянский Восток и посредством России открывается Азии. Транзитивный характер Средней Европы сказывается и на ее ориентации на западноевропейские культурные и политические структуры: таким образом, например, чехи обращались к французской и английской философии, литературе и изобразительному искусству, чтобы балансировать доминирующее немецкое воздействие (Т. Г. Масарик в беседах с К. Чапеком подчеркивал, насколько была антинемецкой чешская университетская среда в Праге, но одновременно она не смогла представить себе, чтобы было можно открывать курс истории философии французами и англичанами).

К вопросу о средневропейском центризме сказал свое слово и упомянутый Р. Уэллек, беседуя с П. Демцем в конце 80-х годов 20 века. Именно в связи с националистическим пониманием территории Средней Европы (Mittleeuropa) в книге Ф. Науманна (1915) Р. Уэллек отказывается от функциональности этого понятия; он относится скептически к возобновлению Средней Европы в любом смысле (это было еще до переворота 1989 года), хотя П. Демец уже тогда иронически указывал, как их разговор не может никак выйти из заколдованного кольца, которое очень *mitteleuropäisch*. В ответ на антиславянскую концепцию Ф. Науманна некоторые исследователи избегают понятия *Mittleeuropa*, предпочитая *Zentraleuropa* (английское *Central Europe*).

Феномен Средней Европы, таким образом, несколько раз отвергнут и повергнут, образовав сложную, взаимно связанную, но и много раз прерванную, гетерогенную сеть, которая перманентно сближается и разъединяется, находя общие черты и, одновременно, резкие отличия и противоречия. Характерная расслоенность территории не раз обнаруживалась в роковые минуты истории Европы – не даром начало обеих войн связано с обстановкой или, точнее говоря, с резким изменением обстановки именно Средней Европы. Существует ряд культурных феноменов, которые связывают ареал Средней Европы воедино, например *biedermeier*, или в общем, ощущение истории, отдельных исторических событий и некоторых пластов менталитета; существуют, однако, и резкие противоречия, в том числе религиозные и позже, с „весны народов“ 19 века, национальные.

Прочность, стабильность и доминанта одного политического, экономического и культурного центра и господствующего языка и литературы привели к распаду Австро-Венгрии: самой благоприятной для ареала Средней Европы является, напротив, нестабильность, непроч-

ность, изменчивость, гетерогенность или, точнее говоря, определенный баланс между ментальным и культурным моноцентризмом и полицентризмом, мультикультурализмом и автономизмом. С этой точки зрения Средняя Европа является скорее культурным, ментальным, чем политическим целым.

Существование обеих черт ареала Средней Европы привело и к образованию разных общих и частных концепций Средней Европы. Если пропустить сложные исторические судьбы этого понятия в 19 веке, можно сразу же начать с нашумевшей когдато книги Фридриха Науманна, члена Рейхстага. На странице 263 своего сочинения, изданного в 1915 г., он пишет: „Mittleuropa ist Kriegsfrucht. Zusammen haben wir im Kriegswirtschaftgefängnis gesessen, zusammen haben wir gekämpft, zusammen wollen wir leben“. Книга в несколько сот страниц содержит обстоятельный политический, экономический и культурный материал в ряде глав, в том числе *Der gemeinsame Krieg und seine Folge*, *Zur Vorgeschichte Mitteleuropas*, *Konfessionen und Nationalitäten*, *Das mitteleuropäische Wirtschaftsvolk*, *Gemeinsame Kriegswirtschaftsprobleme*, *Zollfragen*. Науманн прежде всего отрицает возможность образования Средней Европы как своего рода федерации; причина этому - национальные противоречия. Необходимо, по его мнению, чтобы одна нация и один язык на этой территории и в едином среднеевропейском, унитарном, централизованном государстве преобладали – а это именно немецкая нация и немецкий язык. Он показывает опыт прошлого, когда „die Deutschen in Österreich haben im Laufe des letzten Jahrhunderts viel verloren.“ (с. 76). Между прочим, к книге Науманна не раз критически возвращались и современные исследователи, подчеркивая, что *Mittleuropa* - не Средняя Европа; везде в мире, прежде всего в США, под этим термином подразумевается националистическая концепция Ф. Науманна, которая с общей точки зрения неприемлема (например, Антон Пелинка в своей статье *Mythos Mitteleuropa* отмечает: „Zentraleuropa ist nicht Mitteleuropa. In der internationalen, insbesondere in der westeuropäischen Debatte wird unter Mitteleuropa das Konzept Friedrich Naumanns verstanden. Diesem Konzept wird, historisch wohl verständlich, eine deutsche Expansionsabsicht unterstellt.“ (In: P. Gerlich/Krzysztof Glass/Barbara Serloth [Hg.]: *Neuland Mitteleuropa. Ideologiedefizite und Identitätskrisen*. Wien-Toruń 1995, с. 13). Генри Корд Мейер в книге *Drang nach Osten. Fortunes of a Slogan-Concept in German-Slavic Relations, 1849-1990* (Peter Lang, Bern – Berlin – Frankfurt am Main – New York – Paris – Wien 1996) пишет: “That was during the 1980s, with the emergence of a curious kind of *Mittleuropa* enthusiasm. Here various Polish, Czech, and Hungarian intellectuals – avidly abetted by certain Austrian con-

servative circles – spoke and wrote of a better mid-European future. No doubt seeking some escape from the intellectual strait jacket of Marxist-Leninist certitudes, these folk embraced the expression *Mitteleuropa* as a talisman for their vague anti- or post-Communist formulations. They seemed evidently quite oblivious to the *real* ideological significance of the term, as developed initially during World War I and subsequently manipulated by the Nazis, as a pattern for specifically German-dominated solutions for mid-European problems. Though no doubt some broad areas of fruitful discussions were opened by these initiatives, there was apparently no sense of the possible perils of jumping out of a Soviet pan into a German fire.” – с. 137).

Результат первой мировой войны не подтвердил концепции Науманна; тем не менее идеи Средней Европы как особого пространства не переставала бытовать в книгах и статьях исследователей даже после распада единой дунайской монархии на несколько новых независимых государств (королевская Югославия, Чехословакия, возобновление Польши). Появляются новые книги, содержащие концепции средне-европейской федерации с интегрированным хозяйством, транспортом, культурой и политикой, но с автономными составными частями, нынешними независимыми государствами. Эти книги (см. избранную библиографию) писались на немецком, французском и других языках. Однако начало гитлеровской диктатуры в Германии (1933) уничтожило возможность осуществления этих планов. После второй мировой войны возникли известный биполярный мир, железный занавес и холодная война. Понятие Средней Европы будто бы исчезло. Не случайно М. Кундера в известной статье, изданной в США и позже в австрийском сборнике Эрхарда Бузека в пору, когда вновь начали думать о Средней Европе, жаловался, что все изменили Средней Европе как (по крайней мере) культурному феномену, все забыли о нем; все заботятся лишь о своем - Запад о Западе, Восток о Востоке.

Именно вторая половина 80-х годов 20 века ознаменовала новое начало возобновленного интереса к Средней Европе, сначала в Австрии, в которой он был поддержан со стороны некоторых аристократических кругов. Думалось, что можно возобновить значение этого понятия как символа бывшего монархического единства, как своего рода преддверия нового единения на более широкой основе. Конец коммунистических режимов в Средней и Восточной Европе привел к новым концепциям и даже политическим планам. Оказалось, однако, что этот феномен остается неуловимым и нельзя его использовать в любых целях, что он является слишком ломким, мягким, хрупким, неустойчивым и исторически подвижным. Хотя были попытки формирования новых интеграций и некоторые удалась, все еще кажется, что это скорее тяго-

тения и тенденции, чем прочное и устойчивое движение к новому единству. Феномен Средней Европы остается до сих пор скорее культурным и Средняя Европа скорее духовным пространством, к которому примыкают и более отдаленные нации, их культуры и менталитет. Такие тенденции наблюдаются, например, на Украине, еще отчетливее в Беларуси, в которой именно оппозиционно настроенные круги молодежи, издающие свои журналы в Минске, Вильне и в Польше, связывают свое будущее с территорией демократической Средней Европы (журналы Архе, Фрагменты, Наша Нива).

В 20-30-е годы 20 века в Веймарской Германии в связи с усиленным интересом к феномену Средней Европы появились размышления о Средней Европе как о первом шаге к единой Европе. Средняя Европа представляет своеобразное явление как таковое; с другой стороны, она содержит и общеевропейские признаки, она является их особым перекрестком, мостом, по которому ведут пути с Севера на Юг, с Запада на Восток и обратно. Именно она является до сих пор – в силу сложной истории, расслоенности и разных сосуществующих культурных пластов – лакмусовой бумагой состояния европейской мысли. Среднюю Европу, следовательно, нельзя уничтожить, можно этот феномен только функционально использовать. Политические и административные методы функционируют всегда успешно, быстро, действенно, но недолго и неглубоко, экономические более стабильны, но самыми прочными и практически вечными являются психокультурные архетипы, которые образовались на протяжении веков. По этим причинам изучение Средней Европы и всех ее аспектов, главным образом языка и литературы как устойчивых, но, одновременно, динамичных и исторически изменчивых структур, неизбежно.

Литературоведы сейчас больше не образуют единое спорящее целое, а представляют изолированные группы разных дискурсов - в мире всяческих союзов и интеграций происходит абсурдная изоляция и образование замкнутых коммуникативных общностей. Это расхождение, дисперсия, рассеивание, разложение, распад являются существенным признаком современного литературоведения и, возможно, не только его. Образующиеся группы, в том числе восточноевропейская, южноевропейская, западноевропейская, скандинавская и т. д., подчеркивают мозаику дезинтеграции. В этом смысле свою интегрирующую роль вновь имеет известное понятие „Mitteleuropa", Средняя (Центральная) Европа. Это понятие важно не только для политологии, экономических наук, но

и для культурологии, лингвистики и литературоведения. Именно из таких предпосылок исходит проект Брно - Вена, над которым работала группа исследователей с позиции филологических наук, хотя стало очевидным, что с тематикой Средней Европы связана огромная работа и исследовательские усилия ряда научных центров в Австрии, Польше, Чешской и Словацкой Республиках и т. д. Специфика региона исходит, как сказано выше, из существования Австро-Венгерской монархии, но территорией этого государства пространство Средней Европы не исчерпывается. Известно, что к нему традиционно относятся не только Бавария, Саксония, но и северная Италия: принадлежность к Средней Европе ощущается и в Румынии, Украине и Беларуси. Можно, следовательно, прийти к выводу, что феномен Средней Европы выступает скорее как какое-то духовное качество, чем конкретнополитическое пространство. В межвоенный период, т. е. в 20-30-е годы, частью Средней Европы стала и многочисленная восточнославянская эмиграция - научная, писательская и, в целом, интеллектуальная, которая сильно повлияла на характер научной жизни в этом пространстве. Достаточно лишь вспомнить о Романе Якобсоне, Николае Трубецком, Николае Дурново, Сергии Вилинском, Евгении Ляцком и других. Кроме того, именно в эту пору Средняя Европа стала пространством новых велиний, движений, идей и людей: в межвоенной Чехословакии жили известные словенцы (филолог Матия Мурко, архитектор Плечник), русские, украинцы, белорусы, поляки. Это была совершенно новая обстановка для развития литературоведения в целом и славистического в частности.

Предпосылкой для поисков нового литературоведения является существование плоскости, которая, с одной стороны, давала бы достаточно креативных импульсов и, с другой, была прочно связана с традицией. Именно славистика, точнее филологическая славистика, могла бы стать динамическим целым, связывающим воедино весь лингвистический и литературоведческий дискурсы: достаточно хотя бы вспомнить, сколько импульсов общего характера предоставила славистика в межвоенный период лингвистике и литературоведению в целом: многие нашумевшие тогда теории исходили из славянского материала (Ф. Воллман, Р. Якобсон, Р. Уэллек). Ведь известно, что именно материал оказывает существенное влияние на теории и концепции, которые из него исходят, что они взаимно связаны, образуя неразрывное единство. В настоящее время, когда преувеличивается роль германистики, англистики, американистики и романистики, следует об этих фактах говорить как можно чаще и громче: ведь среди славянского материала именно русский был несомненно доминантным. Именно мультикульту-

турная Средняя Европа, соединяющая славянский, германский, угрофинский, частично романский ареал с фоном в тюркской области, обращенная на юг в медитерраную сферу, на западе к Германии и Франции, на востоке посредством восточных славян к Азии, является выгодной коммуникативной плоскостью, которая может оживить филологическую тематику и методологию, а также наметить новые пути развития научных дисциплин, которые сейчас, кажется, очутились в тупике.

Именно сфера литературоведения показывает, что Средняя Европа формировалась не только географическими среднеевропейцами, но и представителями восточных славян. Именно связь средневропейских университетских и научных традиций, а также восточнославянской традиции общения и научных обществ, общностей, политических и научных кружков сыграла большую роль в процессе возникновения Пражского лингвистического кружка. Оказывается, что именно межвоенная территория Чехословакии была благоприятна для слияния и особого компромисса между технологическими и более мягкими методами, связанными с „Geisteswissenschaft“. Профессор Сергей Вилинский, работающий в Брненском университете с середины 20-х годов, как будто символически соединил традицию филологического метода в рамках медиевистики, особый вид феноменологии (в зимнем семестре 1913 г. он преподавал молодому М. Бахтину в Новороссийском университете в Одессе) и историческую поэтику; работа Романа Якобсона всеобщее известна и будет в определенной степени объектом изучения в отдельной статье настоящего сборника. Особые методологические сдвиги в сторону исторического компромисса между психологическими и имманентными методами наблюдаются у Рене Уэллека (его учителями были чешский германист, поэт, переводчик и литературовед психологической ориентации Отокар Фишер и англистлингвист, структуралист Вилем Матезиус).

Интересное явление представляют как бы периферийные личности, в том числе первый чешский и моравский историк русской литературы, переводчик Алоис Аугустин Врзал, полонист, русист и украинистлитературовед Мечислав Кргоун и несколько литературоведов, учеников профессора Франка Воллмана, основоположника брненской литературоведческой славистики, методология которого (эидология) связана с Пражским лингвистическим кружком и чешским структурализмом.

Литературоведение в межвоенный период наглядно показывает широту охвата феномена Средней Европы, который впитывает в себя разные, зачастую противоположные явления и процессы. Именно в этом

оно своеобразно предвосхитило многие мультикультурные процессы, требующие высокую меру толерантности и взаимопонимания.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- A Social and Economic History of Central European Jewry, eds. by Yehuda Don and Victor Karady, Transaction Publishers, New Brunswick – London 1990.
- Altmann, F.-L. – Andreeff, W.: Future Expansion of the European Union in Central Europe. Wien 1995.
- Altermatt, U.: (Hg.): Nation, Ethnizität und Staat in Mitteleuropa. Wien – Köln – Weimar 1996.
- Balík, S. – Holzer, J. (ed.) - Kubová, O. – Machovcová, E. – Pospíšil, I. – Rakovský, A.: Komunistické strany v postsovětských stranicko-politických soustavách. Mezinárodní politologický ústav Masarykovy univerzity, Brno 2000.
- Bartsch, S.: Minderheitenschutz in der internationalen Politik. Opladen 1995.
- Bátonyi, G.: Britain and Central Europe 1918-1933. Oxford 1999.
- Béhar, P.: Zentraleuropa im Brennpunkt. Graz 1994.
- Bilance a výhledy středu Evropy na prahu 21. století. Brno 2000.
- Bister, F. (hrsg.): Kulturelle Wechselseitigkeit in Mitteleuropa. Ljubljana 1995.
- Blumenwitz, D. (Hrsg.): Aktuelle rechtliche und praktische Fragen der Volksgruppen und Minderheitenschutzrechtes. Köln 1994.
- Blumenwitz, D. (Hrsg.): Volksgruppen und Minderheiten: politische Vertretung und Kulturautonomie. Berlin 1995.
- Blumenwitz, D.: Internationale Schutzmechanismen zu Durchsetzung von Minderheiten und Volksgruppenrechten. Köln 1997.
- Boden, M.: Nationalitäten, Minderheiten und ethnische Konflikte in Europa. München 1995.
- Brežná, I.: Falsche Mythen. Reportagen aus Mittel- und Osteuropa nach der Wende. Bern 1996.
- Buchleitner, K.: Das Schicksal der anthroposophischen Bewegung und die Katastrophe Mitteleuropas. Schaffhausen 1997.
- Burmeister, H.-P.: Boldt, F.: - Mészáros, G.: (Hrsg.): Mitteleuropa: Traum oder Trauma? Bremen 1988.
- Busek, E.: Mitteleuropa: Eine Spurensicherung. Wien 1997.
- Busek, E. – Bix, E.: Projekt Mitteleuropa. Wien 1986.
- Busek, E. – Wilflinger: Aufbruch nach Mitteleuropa: Rekonstruktion eines versunkenen Kontinents. Wien 1986.
- Central Europe. Core or Periphery? Copenhagen Business School Press, K benhavn 2000.

- Centrisme interlittéraire des littératures de l'Europe Centrale. Literární studie. Práce Slovanského ústavu AV ČR, 5, Masarykova univerzita, Brno 1999. Redacteurs: Ivo Pospíšil, Miloš Zelenka.
- Coudenhove-Kalergi, R. N. : Krise der Weltanschauung. Wien 1923.
- Coudenhove-Kalergi, R. N. : Weltmacht Europa. Stuttgart 1971.
- Coudenhove-Kalergi, R. N.: Kommen die Vereinigten Staaten von Europa? Glarus 1938.
- Coudenhove-Kalergi, R. N.: Pan-Europa. Wien 1923.
- Coudenhove-Kalergi, R. N.: Totaler Staat – totaler Mensch. Wien 1937.
- Dančák, B. – Fiala, P. (eds): Národnostní politika v postkomunistických zemích. Mezinárodní politologický ústav Masarykovy univerzity, Brno 2000.
- Dančák, B. (ed.) – Pospíšil, I. – Rakovský, A.: Pobaltí v transformaci. Politický vývoj Estonska, Litvy a Lotyšska. Mezinárodní politologický ústav Masarykovy univerzity, Brno 1999.
- Declodet, L. R.-G., Van Uffalen, H.: (Hg.): Der niederländische Sprachraum und Mitteleuropa. Wien – Köln – Weimar 1995.
- Demetz, P.: Prague in Black and Gold. Scenes from the Life of a European City. New York 1997.
- Dor, M.: Mitteleuropa: Mythos oder Wirklichkeit? Aus der Suche nach der grösseren Heimat. Salzburg – Wien 1996.
- Frommelt, R.: Paneuropa oder Mitteleuropa. Einigungsbestrebungen im Kalkül deutscher Wirtschaft und Politik 1925-1933. Stuttgart 1977.
- Gauss, K.-M.: Die Vernichtung Mitteleuropas. Klagenfurt – Salzburg 1991.
- Gerlich, P./Glass, K./Serloth, B. [Hg.]: Mitteleuropäische Mythen und Wirklichkeiten. Wien – Toruń 1996.
- Gerlich, P./Glass, K./Serloth, B. [Hg.]: Neuland Mitteleuropa. Ideologiedefizite und Identitätskrisen. Wien-Toruń 1995.
- Gerlich, P./Glass, K. (hrsg.): Vergangenheit und Gegenwart Mitteleuropas. Wien – Poznań 1998.
- Gerlich, P./Glass, K./, Kiss Endre (hrsg.): Von der Mitte nach Europa und zurück. Wien – Poznań 1997.
- Gimpl, G. (hrsg.): Mitteleuropa. Mitten in Europa. Helsinki 1996.
- Glass, K./ Puślecki, Z. W. (Hg.): Mitteleuropäische Orientierung der 90er Jahre. Wien – Poznań 1999.
- Gottzmann, C. L./ Hörner, P.: Studien zu Forschungsproblemen der deutschen Literatur in Mittel- und Osteuropa. Frankfurt am Main – Berlin – Bern – New York – Paris – Wien 1998.
- Goworowska-Puchala, I.: Mitteleuropa. Rdzeń Starego Kontynentu. Toruń 1997.

- Gürge, W.: Paneuropa und Mitteleuropa. Berlin 1929.
- Hantos, E.: Das Donauproblem. Wien 1928.
- Hantos, E.: Das Geldproblem in Mitteleuropa. Jena 1925.
- Hantos, E.: Das mitteleuropäische Agrarproblem und seine Lösung. Berlin 1931.
- Hantos, E.: Die Handelspolitik in Mitteleuropa. Jena 1925.
- Hantos, E.: Die Kulturpolitik in Mitteleuropa, Stuttgart 1926.
- Hantos, E.: L'Europe centrale. Une nouvelle organisation économique. Paris 1932.
- Hantos, E.: Mitteleuropäische Eisenbahnpolitik. Zusammenschluß der Eisenbahnsysteme von Deutschland, Österreich, Ungarn, Tschechoslowakei, Polen, Rumänien und Jugoslawien. Wien 1929.
- Hantos, E.: Mitteleuropäische Kartelle im Dienste des industriellen Zusammenschlusses. Berlin 1931.
- Hantos, E.: Mitteleuropäische Wasserstraßenpolitik. Berlin 1932.
- Hodža, M.: Federácia v strednej Európe a iné štúdie. Bratislava 1997.
- Hodža, M.: Schicksal Donaauraum. Erinnerungen. Mit einem Geleitwort von Dr. Otto von Habsburg. Wien – München – Berlin 1995.
- Hösch, E. – Seewann, G. (Hrsg.): Aspekte ethnischer Identität: Ergebnisse des Forschungsprojekts „Deutsche und Magyaren als Nationale Minderheiten im Donaauraum. München 1991.
- Jahn, E.: Bibliographie zur Mitteleuropa Diskussion. Beilage. Zeitschrift für Politik und Kultur im Mittel- und Osteuropa, Nr. 21, November 1988.
- Johnson, L. R.: Central Europe: Enemies, Neighbors, Friends. New York – Oxford 1996.
- Kamer, S. (hrsg.): Als Mitteleuropa zerbrach. Zu den Folgen des Umbruchs in Österreich und Jugoslawien nach dem Ersten Weltkrieg. Graz 1990.
- Katzenstein, P. J. (ed.): Mitteleuropa. Between Europe and Germany. Providence – Oxford 1997.
- Krebs, H.: Paneuropa oder Mitteleuropa. Münschen 1931.
- Kujawa, A.: Mitteleuropa als Paradigma der Identitätssuche? Der Prosawerk von Czesław Miłosz im Kontext der Mitteleuropa-Debatte de achtziger Jahre. Wien 1997.
- Kühl, J.: Federationsphäre im Donaauraum und in Ostmitteleuropa. München 1958.
- Le Rider, J.: L'Europe Centrale – L'Idée germanique de Mitteleuropa. Paris 1994.
- Lemberg, H. (hrsg.): Ostmitteleuropa zwischen den beiden Weltkriegen (1918-1939). Stärke und Schwäche der neuen Staaten, nationale Minderheiten. Marburg 1997.
- Lewis, P.: Central Europe since 1945. London and New York 1994.

- Lichtenberg, E. (hrsg.): Die Zukunft von Ostmitteleuropa. Vom Plan zum Markt. Wien 1991.
- Marjanović, V.: Die Mitteleuropa-Idee und die Mitteleuropa-Politik Österreichs 1945-1995. Frankfurt am Main - Berlin - Bern - New York - Paris - Wien 1998.
- Meyer, H. C.: Drang nach Osten. Fortunes of a Slogan-Concept in German-Slavic Relations, 1849-1990. Frankfurt am Main - New York - Paris - Wien 1996.
- Meyer, H. C.: Mitteleuropa in German Thought and Action 1815-1945. The Hague 1955.
- Naumann, F. : Mitteleuropa. Berlin 1915.
- Pospíšil, I.: A Chapter from Brno Ukrainian Literary Studies: the Creative Activity of Mečislav Krhoun and His Book on Jurij Fed'kovyč. In: Pagine di ucrainistica europea. A cura di Giovanna Brogi Bercoff, Giovanna Siedina. Edizioni dell'Orso, Alessandria 2001, 83-90.
- Pospíšil, I.: Il centrismo interletterario mediterraneo e la letteratura russa. In: Il Mediterraneo. Una rete interletteraria. La Méditerranée. Un réseau interlittéraire. Stredomorje - medziliterárna sieť. A cura di Dionýz Ďurišin e Armando Gnisci. Universit degli studi di Roma „La Sapienza“, Studi (e testi) italiani. Collana del Dipartimento di italianistica e spettacolo, Roma 2000, 101-109.
- Pospíšil, I.: Sergij Vilinskij an der Masaryk-Universität in Brunn: Fakten und Zusammenhänge. Wiener Slavistisches Jahrbuch, Bd. 42, 1996, 223-230.
- Pospíšil, I.: Средняя Европа как перекресток литературоведческой методологии. In: Взаимодействия литератур в мировом литературном процессе. (Проблемы теоретической и исторической поэтики). Материалы международной научной конференции, часть 1, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно 1997, 3-10.
- Pospíšil, I. – Gazda J. – Holzer, J.: Integrovaná žánrová typologie. Brno 1999.
- Pospíšil, I. – Zelenka, M.: Fenomén stredoevropského meziliterárneho centrismu In: Dionýz Ďurišin a kol.: Medziliterárny centrismus stredoeurópskych literatúr, České Budějovice 1998, 50-64.
- Pospíšil, I. – Zelenka, M.: René Wellek and Interwar Czechoslovakia: the Roots of Structural Aesthetics. BUNMEI (Civilisation) Tokyo, 17, 1998, 79-89.
- Pospíšil, I. – Zelenka, M.: Вдохновляющая литературоведческая концепция Евгения Ляцкого. „Славяноведение“ 1998, 4, 52-59.
- Pospíšil, I. - Zelenka, M.: Zur Kategorie des Raums in der Literaturwissenschaft. Marginalien zu einem Phänomen der mitteleuropäischen Literaturen. Germanoslavica IV (IX), 1997, 1, 179-189.
- Postmodernism in Literature and Culture of Central and Eastern Europe. Katowice 1996.

- Reinalter, H. (hrsg.): Europaideen im 18. und 19. Jahrhundert in Frankreich und Zentraleuropa. Frankfurt am Main – Berlin – Bern – New York – Paris – Wien 1994.
- Revolutionen in Ostmitteleuropa 1789-1989. Schwerpunkt Ungarn. Herausgegeben und eingeleitet von Karlheinz Mack. Wien 1995.
- Rosenberg, H.: Grosse Depression und Bismarckzeit. Wirtschaftsablauf, Gesellschaft und Politik in Mitteleuropa. Berlin 1967.
- Rumpler, H.: Eine Chance für Mitteleuropa. Wien 1997.
- The Future of East-Central Europe. Ed. by Andrzej Dumala and Ziemowit Jacek Pietras. Lublin 1996.
- The Reformation in Eastern and Central Europe (ed. by Karin Maag). Hants 1997.
- Van Parijs, P.: The Ground Floor of the World: On the Socio-Economic Consequences of Linguistic Globalization. International Political Science Review 2000, vol. 21, No. 2, 217-233.
- Weidenfeld, W. (hrsg.): Mittel- und Osteuropa auf dem Weg in die Europäische Union. Gütersloh 1995.
- Zacharasiewicz (hrsg): Images of Central Europe in Travelogues and Fiction by North American Writers. Tübingen 1995.
- Zentraleuropa, Mitteleuropa. Gemeinsamkeiten und Trennlinien. Wien 1991.

ДРУГИЕ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ТЕКСТЫ

- Brněnská slovakistika a česko-slovenské vztahy. Ed. I. Pospíšil. Brno 1998.
- Česko-slovenská vzájemnost a nevzájemnost. Ed. I. Pospíšil, M. Zelenka. Brno 2000.
- Dorovský, I.: Balkán a Mediterán. Literárně historické a teoretické studie. Brno 1997.
- Dorovský, I.: Balkánské meziliterární společenství. Brno 1993.
- Đurišin, D. a kolektiv: Osobitné medziliterárne spoločenstvá I-VI. Bratislava 1987-1993.
- Đurišin, D.: Čo je svetová literatúra? Bratislava 1993.
- Humanistyka przelomu wieków. Pod redakcją Józefa Kozielckiego, Wydawnictwo Akademiczne „Żak“, Warszawa 1999.
- Jihoslovenské literatury v českém prostředí. Ed.: Ivo Pospíšil, Miloš Zelenka. Brno 1999.
- Kontext - překlad - hranice. Studie z komparatistiky. Praha 1996.
- Krausová, N.: Poetika v časoch za a proti. Bratislava 1999.
- Kvapil, M.: Bohemo-Serbica, Bohemo-Croatica. Praha 1996.
- Kvapil, M.: Serbica. Litterarum memoria. Praha 1998.

- Litteraria Humanitas I-X. Brno 1990-2001.
- Mathauser, Z.: Slovanství jako přesah. In: K úloze Slovanů v historii a současnosti. Kolokvium u příležitosti 150. výročí Slovanského sjezdu v Praze. Vydala Česká koordinační rada Společnosti přátel národů východu, Praha 1998, 18-20.
- Pospíšil, I.: Genologie a proměny literatury. Brno 1998.
- Pospíšil, I.: Krize univerzity a literární vědy na sklonku tisíciletí a slavistika. In: Slavica Pragensia ad tempora nostra. Konference ke 150. výročí založení stolice slovanské filologie na Karlově univerzitě. Praha 1998, 267-271.
- Pospíšil, I.: Кризис филологических наук и литературоведческая русистика в конце тысячелетия. „Русский язык в центре Европы“ 2, Ассоциация русистов Словакии, Банска Быстрица 2000, 44-52.
- Pospíšil, I.: Literární dílo jako reflexe meziliterárnosti (Anatolij Kim - Jurij Rytgev - Čingiz Ajtmatov). In: Litteraria Humanitas VI. Alexandr Veselovskij a dnešek. Brno 1998, 48-59.
- Pospíšil, I.: Literární věda na rozcestí. Hrst poznámek k minulosti, přítomnosti a budoucnosti. HOST 1998/2, 79-83.
- Pospíšil, I.: Paradoxes of Genre Evolution: the 19th-Century Russian Novel. Zagadnienia rodzajów literackich, tom XLII, zeszyt 1-2 (83-84), Łódź 1999, 25-47.
- Pospíšil, I.: Problémy humanitních věd a literární věda: velké krize a velká očekávání. In: Literární věda na prahu 21. století. Nauka o literaturze u prahu XXI stulecia. Sborník z mezinárodní vědecké konference. Materiały z międzynarodowej konferencji naukowej. Opava 2000, ed. Libor Martinek, 42-51.
- Pospíšil, I.: Sedmero úskalí a inspirací. Slovenská literatúra 1993, 4, 292-295.
- Pospíšil, I.: Slovanské literatury na počátku nového věku. In: K úloze Slovanů v historii a současnosti. Kolokvium u příležitosti 150. výročí Slovanského sjezdu v Praze. Vydala Česká koordinační rada Společnosti přátel národů východu, Praha 1998, 34-37.
- Pospíšil, I.: Slovenský literárněvědný trojúhelník: komparatistika - genologie - translátologie. In: Brněnská slovákistika a česko-slovenské vztahy. Brno 1998, 45-58.
- Pospíšil, I.: „Stará“ a „nová“ komparatistika: pragmatismus a ruský maximalismus u Karla Čapka. Opera Slavica 1993, 1, 16-24.
- Pospíšil, I.: The Danger of Loneliness: the New Splendid Isolation. In: Reinhard Ibler (Hrsg.): Von der sozialistischen zu einer marktorientierten Kultur? Würzburg 2000, 83-96.
- Pospíšil, I.: Utopičnost a hlubinnost literární vědy (Meditace in margine projektu Dionýze Ďurišina). Opera Slavica 1993, 1, 44-47.
- Pospíšil, I.: Východoslovanské meziliterární centrismy na pozadí balkánských centrismů. Zbornik Matice srpske za slavistiku, Beograd 1994, t. 46-47, 19-27.

- Pospíšil, I. - Zelenka, M.: Pojem a koncepce světové literatury. SPFFBU, 1995, D 42, Brno 1996, 103-112.
- Pospíšil, I. - Zelenka, M.: Problémy literární vědy na XII. mezinárodním kongresu slavistů (spoluautor Miloš Zelenka). Slavia 1999, 1, roč. 68, 184-188.
- Román a „genius loci“. Regionalismus jako pojetí světa v evropské a americké literatuře. Red. Anna Housková a Zdeněk Hrbata. Praha, sine.
- Slovakistika v české slavistice. Ed. I. Pospíšil, M. Zelenka. Brno 1999.
- Světové literatury 20. století v kostce. Pod vedením Iva Pospíšila zpracovali Simoneta Dembická, Jaroslav Kovář, Karolina Křížová, Petr Kyloušek a Irena Přibyllová. Praha 1999.
- Východoslovanské literatury v českém prostředí do vzniku ČSR. Ed.: Danuše Kšicová. Brno 1997.
- Wollman, F.: Duch a celistvost slovanské slovesnosti. Praha 1948.
- Wollman, S.: Česká škola literární komparistiky. Praha 1989.
- Wollman, S.: Porovnávací metoda v literárnej vede. Bratislava 1988.
- Zelenka, M.: Na okraj neoidealismu v českém literárním myšlení: René Wellek a Friedrich Nietzsche, in: Pospíšil, I. - Zelenka, M.: René Wellek a meziválečné Československo. Ke kořenům strukturální estetiky. Masarykova univerzita, Brno 1996, 53-64.